

УДК 316.35

В. Е. Шедяков
кандидат економічних наук, доктор соціологічних наук,
доцент, незалежний дослідник

ВОЗМОЖНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГИБКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Развёртывание информационно-коммуникационных технологий резко расширило информационные возможности и избирательность в создании картины мира, что заново востребовало качества мифолокта в освоении социокультурного пространства. Восприятие же целостно и склонно к достройке, а то и переосмыслению поступающей информации в пользу удобной картины мира [1–5]. Ментальность как синкретичная форма восприятия не только базируется на конкретных ценностно-смысловых комплексах, но и отражает главные потоки как коллективного бессознательного, так и общественного сознания. Избыток информации, приводящий в общем случае к её инфляции, обостряет проблему отбора и интерпретации. При этом коммуникации используются в пропаганде не для создания смыслов и распространения информации, а для микширования, сокрытия, искажения и мифологизации. Подвёрстывание рациональных аргументов лишь упрощает легитимацию уже принятых решений (см. теорию когнитивного диссонанса Л. Фестингера). Одновременно открывались новые измерения соразвития культурно-цивилизационных миров, ценностного основания идентичности и общественного бытия. Соответственно, отправные моменты этики восприятия и поведения (в том числе, прежде всего, представлений о справедливом) оказываются ведущим фактором отбора эффективных социокультурных ресурсов создания и трансформации различных измерений культурно-цивилизационных миров. Обеспечение качественного использования методов гибкого управления (flexible management) для усиления позитивных процессов и преодоления/локализации негативных тенденций сопряжено с контрманипулятивными технологиями и основано на особенностях социокультурного уровня управления.

Таким образом, взрыв информации отнюдь не равнозначен взрыву знания. Соответственно подходам Г. Лебона, критичность мышления притупляется и обезоруживается в толпе. Особенно способствует этому развитие новых медиа, при помощи которых разнородные «многие» общаются с другими «многими», унормируясь и деиндивидуализируясь в таком полилоге [6–10]. Массовые коммуникации становятся не столько распространителями информации, сколько пропагандистами, используя широкий набор средств расстановки акцентов восприятия. Направленная работа такого рода осуществляется пиаром и рекламой (прежде всего, визуальными, аудиальными и смешанными формами социолекта).

Использование развития медийного пространства для продвижения своих и союзных им, а также подавления враждебных интересов широко применялось средствами пропаганды, находки которой были освоены под углом зрения public relations (связей с общественностью), а также public diplomacy (публичной дипломатии), soft power (мягкой силой), smart power (умной силой), informational warfare (информационного противоборства). В Лениным было проведено разграничение свойств пропаганды и агитации. Согласно Ж. Эллюлю, важнейшие функции пропаганды – мотивирование и мобилизация, приведение в действие, в том числе путем воздействия на бессознательные пласты психики, что создаёт основания для идеологической и манипулятивной функций информационной сферы (см. работы В. Иванова, Л. Васильева, П. Лазерфельда, Г. Лассуэла, Д. Макквейла, Г. Маклюен, Р. Мертона и др.).

В частности, цель сетевой войны – человеческий разум, военная же конкуренция сводит плоскости социального, физического, информационного и когнитивного состояния (Дэвид Альбертс). Их использование позволяет сорезони-

ровать процессы управляемые, самоуправляемые и неуправляемые соответственно теории управления хаосом в интерпретации аналитической школы Стивена Манна. Совершенствуются техники манипулирования сознанием, гибкой власти, непрямых действий, индивидуального и социального программирования и т. п. При этом широко распространёнными формами научного осмысления подготовки и осуществления информационного влияния стали концепции подкожной иглы (Hypodermic needle), потребности и удовольствий (Uses & Gratifications), установления повестки дня (Agenda Setting), избирательности восприятия, обратного воздействия на формирование повестки дня (Reverse Agenda Setting), а также их возможностей для направленных изменений, формирования ситуаций самовнушения на основе закладываемых установок. Достаточно востребованными являются также подходы новой риторики, трактовок языка тела, соотношения вербального и невербального, текстового и внетекстового.

В статье изложены авторские взгляды на проблему использования возможностей информационного пространства для подготовки и осуществления воздействия на индивидуальное и коллективное сознание с целью повышения уровня управляемости при проведении желательных преобразований во время постмодернизации культуры (под влиянием особенностей логик постсовременности, транзитного общества, момента форсированных изменений, «информационного взрыва», роста роли глобальных средств массовой информации, усиления новых медиа и т. д.).

Трансформации информационного пространства и ресурсных баз воздействия существенно расширили арсенал воздействия. В частности, огромное значение оказывают факторы «доисторического уровня ментальности» (К. Ясперс), сконцентрировавшиеся в «осевое время» (К. Полаanyi) и ставшие каркасом культурно-цивилизационных миров. Их основание фиксировали ценностно-смысловые комплексы, предоставлявшие ресурсы мировоззрения и мировосприятия при помощи как коллективного бессознательного, так и общественного сознания [11–17].

Однако логики постсовременности изменяются от причинно-следственных взаимодействий типа «дерево» к моделям «куст» и, наконец, «ризомы», когда не надо служить ничьим идеям, кроме своих, разделять ничьи принципы и подходы, кроме собственных. Ранее человек рождался, как правило, будучи обречённым на достаточно строго предопределённый культурный слой. Ныне же каждый волен выбирать в окружающем актуальном и отзвуках ушедших и приходящих эпох то, что внутренне близко ему. В данном контексте и само понятие развития нуждается в обновлении: кроме стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие максимы, как солидарность, свобода выбора, убеждений и слова, терпимость. Жизнедеятельность культурно-цивилизационных миров интегрирует образное восприятие социокультурной постистории (где можно использовать и реактуализировать образы из самых разнообразных эпох) и предистории (когда ничего не предпрещено, могут победить самые противоречивые формы). Переход к логикам постсовременности, к логикам свободы является и отказом от единственности любого базиса развития, возможностью соединения отдельных черт несовпадающих миров в новую целостность. Одновременно транзитное состояние общества выводит к точке бифуркации, повышает уровень неопределённости, доводя его до стратегической плоскости [18–20]. Причём форсированность преобразования собирает множественность альтернатив в тугой узел выбора в исторически краткий

момент. Одночасно в постглобальному світі логіка собою породжується до взаємодії (партнерстві та конкуренції) різних видів над-, між- і внутрішньодержавних освітніх процесів. Разом з тим важливі процеси в кожному з регіонів суттєво залежать від вектора і динаміки домінуючих в ойкумені тенденцій. Якщо за допомогою традиційних медіа між собою об'єднуються окремі суб'єкти-контрагенти, а мас-медіа забезпечили зв'язок окремого суб'єкта з багатьма, то нові медіа передбачають складну мозаїку зв'язків багатьох з багатьма, коли людина, з однієї сторони, повинна бути готова до різних взаємодій, а з іншої, – вправі відкритися до взаємодії (включаючи і взаємодії з значеннями). Значення життєдіяльності: людської і культурно-цивілізаційних світів – визначають напрямленість, темпи, форми і черговість трансформації їх конкретних характеристик, на самі проявляють себе як сторони ціннісного сприйняття оточуючого світу.

Тепер роль змісту знання про походження помітно поступає можливостям його інтерпретації. Все більш значимо не просто донести інформацію, а ціннісно і емоційно окрасити її. Суттєво не те, що люди знають, а як їм буде інтерпретовано це знання, яке представлення про їх знання буде у них сформульовано. Відповідно, важливо не тільки те, що преподнесуть, але і хто і як. Движення комунікації від моделі «один до одного» (класичний варіант) до «один до багатьох» (мас-медіа) і «багато до багатьох» (нові медіа) доповнюється переходом від внетекстових форм зв'язку в первісному суспільстві (наскальні малюнки, печерні зображення і т.д.) до усних текстів, текстів письмових, радіо- і телезв'язку, а також інтернет-зв'язку – з поверненням до смайликовим (знову внетекстовим) формам. Разом з тим якщо (пост)модерні ресурси комунікації надають потужний вирівнювальний ресурс, то суттєво диференціюється можливість доступу до них. Притом відомість повсюдності домінування демократических форм і процедур посилює увагу не тільки до індивідуальної, але і до соціальної психології впливу для створення і підтримки вектора масово-елітарних рухів.

Культура постмодерну, притаманна постіндустріальному суспільству, принципово інноваційна, відкрита, деідеологізована, ненасильствена, базується на розвитку переваг, а взагалі не на ліквідації рис особливості. В цьому її основне відміння від рис для попередніх епох культури, тому дані ознаки об'єднують всю успішну систему управління і стимулювання, особливо відносно імманентних суспільству і економіці знань складних робіт. Знання, досвід, можливості розсіяні в суспільстві. Вони принципово децентралізуються. Електичність же і вибірковість як риси постмодерної культури множинять можливості нових засобів масової інформації мережевого суспільства, набувають нові риси, порівняно з масовими, що змінює акценти в забезпеченні їх ефективного застосування.

Це посилює передумови зміни управління в напрямку підвищення його гнучкості на основі соціокультурних домінант. Збереження і розвиток культурно-цивілізаційного світу – в умінні підбору форм, ефективних для суспільства в нових умовах, для створюваних століттями народних традицій, історичного досвіду, соціального насліддя. Відповідно, їх регулятивне значення кардинально зростає в умовах інституційної неопределенності. До ХХІ в. довгий період пріоритету гонки за рівнем задоволення зростаючих матеріальних потреб на базі витрати простого праці зримо виявила свої межі, пов'язані з нерівномірністю концентрації можливостей, атомізацією суспільства і загрозами всієї планетарної екосистемі. Причому досягнутий рівень споживання і витрат, характерний для привілейованих регіонів, навіть близько не може бути поширений на всіх з-за рівня тиску на середовище проживання. Разом з тим підземний труд неефективний і програє са-

моделю творчості. На перший план виходить духовно-інформаційна мотивація життя. Зростає значення морально-нравствених орієнтирів і науково-інтелектуальної активності в здійсненні діяльності. При цьому з кожного виду моделі (традиційної, модерної, постмодерної) розвитку конкретний культурно-цивілізаційний світ може отримати свою конкретику, відповідно, як глибини пластів своїх ціннісно-смыслових комплексів, так і динаміки трансформації. Таким чином, здійснення продуктивної настроювання всього «великого суспільства» передбачає підвищення уваги до сформованих соціокультурних традицій, розвитку навколо них і на їх основі культурно-цивілізаційних світів. Спроби насильствено змусити суспільство кардинально змінитися ведуть до підвищенню непродуктивних витрат ресурсів (включаючи людський ресурс). Результати їх виявляються неефективними і часто зникають в ході подальших суспільних трансформацій. Натомість, ефективним шляхом трансформації стає напрямлення, пов'язане з підтримкою перспективних форм розвитку для закорінених ціннісно-смыслових комплексів, базуються на них принципах, укладах і підходах, виходящих на передній план як в моменти сконцентрованих змін, так і з посиленням тенденцій постмодерну.

Все активніше заявляє про себе процес змін, передбачаючих сосуществование, перетин і взаємне резонирование різних тенденцій розвитку, серед яких (в відміння від модерну) ні одна не може претендувати на виключальне значення, дозволяючи без шкоди абстрагуватися від решти. Україна активно інтегрується в світові суспільства, коли останнє, випробувавшись на зламі кардинальністю трансформацій, освоює нові соціально-економічні і етнокультурні перспективи. Дискредитували себе технократическі рецепти жорсткого соціального управління як в неоконсервативній, так і в ліберальній, а також в соціал-демократическій інтерпретації. Проявили свої недоліки проекти радикальної напрямленості. Опасною реальністю навис над світом екологічний кризис. Так що стандартні рішення в сфері вестернізації суспільства вже «не спрацюють». Неспокутующою виникаючим реаліям виявляється і спроба однозначного отождествлення позиції з якою-небудь однією соціологіческою школою, лінійне бачення прогресу.

Таким чином, наслідком ряду факторів стає посилення передумов стану суспільства, яке може послужити основою, з однієї сторони, підвищення рівня свободи вибору, з іншої ж – ціннісного і соціального хаосу. Ітоговий вектор руху в багатьох визначається як загальні кросс-культурні умовності, так і конкретної соціокультурної специфікою, умінням використання їх при здійсненні гнучкого управління. Результуюче відновлення динамічного рівноважного стану планетарної біосоціальної системи передбачає, в частині, перехід від базирования на витраті фізичного праці як основної частини суспільно-необхідного до духовно-інтелектуальної діяльності як її визначальної складової частини, від перевагування матеріального аспекту життєдіяльності до віртуально-ментальної сфери, від орієнтації на надспоживання і погоню за задоволеннями до цінностям моральності і створення, від єдинообразия шаблону життєстроювання і розвитку до їх різноманітності на основі базових ціннісно-смыслових комплексів культурно-цивілізаційних світів. Підвищення як інтенсивності міжнародних комунікацій, так і ступеня взаємозалежності в постглобальному світі відбувається при переплетенні тенденцій до соціалізації і індивідуалізації виробничих процесів. В свою чергу, ефективне суспільне управління передбачає наявність знання об використанні як соціокультурних закономірностей, так і особливостей не тільки загальних, але і специфічних, во багатьох сформованих в певний час, сконцентровано-

ванних в священнописаннях, отражених в осях ценностно-смысловых комплексов.

В данной ситуации исчезает понятие периферийной культуры: они равноценны и равноправны. Усиливаются процессы соизмерения друг другом внешне противоположных подходов, на смену чистым формам (в частности мыслеформам) и образам приходят превращенные (преобразованные), вобравшие в себя элементы чужой истории и гибко отражающие черты все новых своих носителей. Исчезает определенность, падает результативность директивного администрирования, нарастает значение повседневных практик, внеерархических социальных коммуникаций и неинституционализированных отношений. Постсовременность впитывает в себя многообразие смыслов, образов, методологий, подходов и практик, от каждой из которых можно искать созвучное и отторгать чуждое. Как известно, традиционная культура аграрного общества реализовывала основную функцию управления интеллектуальной деятельностью в рамках формулы «делай так, потому что так делалось до тебя». В индустриальном обществе с культурой модерна генерализующим направлением управления было «делай так, потому что это рационально». Для постсовременного общества характерен подход «делай так, потому что это эффективно». Причем эффективными могут быть самые разные парадигмы осуществления управленческих композиций. Культура постмодерна постиндустриального общества принципиально открыта, деидеологизирована, ненасильственна, базируется на развитии преимуществ, а не ликвидации недостатков. В этом ее ведущее отличие, потому данный признак пронизывает успешную организацию и управление деятельностью, особенно имманентной эпохе деятельностью интеллектуальной. Обширный перечень происходящих кардинальных изменений достаточно часто фокусируют в определении постмодерной трансформации или постмодернизации, имеющей длинный ряд собственных характеристик, особенностей и свойств. Общение – это судьбы дар или удар в зависимости от готовности к участию в социокультурных отношениях, от искренности, от содержательности. Люди воспринимают и воспроизводят субъективно. А из интерпретаций слушатель выбирает, что по душе именно ему. При этом уже отнюдь не только верхушечная культура интеллигенции или аристократии, но и народная культура испытываются на излом радикальностью перемен, неприкрытостью перед внешним вмешательством.

Таким образом, объективно усиливаются основания для запроса на постсовременную логику трактовки мультикультурализма и культурно-социальной интеграции различных этнических и культурных групп как аспектов равноправного взаимодействия и взаимной терпимости, заключающихся в защите существования и коэволюции разнообразных культур при их проникновении, обогащении и развитии на принципах, признаваемых справедливыми. Другими словами, ойкумена выросла до уровня понимания необходимости именно соразвития, а вовсе не унификации культур [21–26]. Внутренняя же структура культурно-цивилизационных миров определяется рядом Мегапроектов (Сверхпроектов), сосредотачивающих в себе сущность их порывов исторического творчества. Внешнее взаимодействие культурно-цивилизационных миров включает тенденции, связанные и с кооперацией (партнерством), и с состязанием (конкуренцией). Соответственно своей природе, ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационных миров, переходя в матрицы ментальных кодов народов, обеспечивают достижение состояния соборности, влияют на состояние и вектор трансформаций эмоционального интеллекта общества, предопределяют общественные предпочтения, поведение и исторический выбор. Именно на их основе появляется возможность как уточнить модель развития, так и выстроить более органичное представление о желаемом. Вместе с тем, например, за счёт использования формируемых вокруг ценностно-смысловых комплексов мифо-символических конструкций удаётся эмоционально окрашивать интерпре-

тации происходящего, менять медиасреду, предвосхищая выбор и обходя существующие самозапреты и интеллектуальные ограничения. Ценностно-смысловое управление оказывается неотъемлемым элементом сохранения и развития ценностно-смысловых комплексов, а значит, и культурно-цивилизационных миров как таковых. Оно призвано не только предотвратить угрозы сползания в атомизацию или размывания между иными мирами, но и обеспечить стимулирование подвижек, используя для стимулирования желательных подвижек и ресурсы социолекта.

Тем более необходимость усиления формообразования регулятивных инноваций на основе своих базовых ценностно-смысловых комплексов связывается с постсовременным парадигмальным переходом от приоритета материального воспроизводства на том его уровне, который фиксируется тиражированием вещей, наличием гонки сверхпотребительства («суперконсюмеризма»), формированием финансово-страховых «пузырей», погоней за наживой и удовольствиями, крайней неравномерностью распределения преимуществ и недостатков общественной системы и проч., к акцентированию духовно-интеллектуального созидания, освоения ментально-виртуальной сферы, наращивания пластов художественной и научной культуры. Причём достигнутый уровень потребления и отходов, характерный для привилегированных регионов, даже близко не может быть распространён на всех из-за уровня давления на среду обитания. Вместе с тем подневольный труд (тем более принудительная интеллектуальная деятельность) малоэффективен и проигрывает самодеятельному творчеству. При этом переход к логике постмодерна, к логике свободы и человечности является и отказом от признания единственно оптимальным любого заранее определенного базиса развития, любой методологии в пользу разнообразия и многоаспектности подходов и гуманистичных измерений прогресса [27–33]. Заведомая ресурсно-методологическая плюральность постсовременности (от постмодерной культуры до постиндустриальных отношений, включая духовное производство) предполагает преодоление обязательности канонов и штампов, появление и реализацию подлинной свободы выбора для каждого. Нужно осовременивание, модернизация, но она отнюдь не обречена следовать модели вестернизации, тем более в «догоняющих» вариациях трансформаций. При этом из каждого класса моделей (традиционных, современных, постмодерных) жизнеустройства и развития конкретный культурно-цивилизационный мир может создать свою конкретику.

Для успешного же проведения своей очередной модернизации и эффективного использования механизмов стимулирования желательных трансформаций при сетевой организации постглобального общества регион должен культивировать механизмы не «обязывать», «заставлять», «администрировать», а «увлекать», «заинтересовывать», «мотивировать» [34–36]. Другими словами, обеспечение управляемости общественными процессами требует акцентирования технологий, стимулирования желательных изменений как форм управления. Причём сегодня, благодаря своему диапазону последствий, использование социального партнерства, обогащения деятельности, производственной демократии, групповой организации труда, гибкого рабочего времени, корпоративной культуры, проектно-матричного управления и создания на их основе управленческих композиций в состоянии дать комплексный инновационно-синергетический кумулятивный эффект социетального уровня, обеспечивая комплексную управляемость как индивидуальным поведением, так и общественными процессами. В частности, играя существенную роль как в создании социальности (осознаваемой преимущественно в понятийно-терминологическом ряду категорий социокультурной ткани, социокультурного поля, социокультурного капитала и проч.), так и в формировании изменений общественного мнения Public Relations оперируют на социальном уровне информационного воздействия в стимулировании общественных трансформаций.

Соответственно, эффективным направлением гибкого управления становится стимулирование желательных изменений. Причём в момент сдвигов парадигмального уровня, при приближении к состоянию институциональной неопределённости приходится не столько руководствоваться привычными регуляторными правилами, сколько ориентироваться, с одной стороны, на ценностно-смысловые комплексы своего культурно-цивилизационного мира (которые, реализуясь в формах традиций, обычаев, укладов, и обеспечивают воспроизводство и развитие экономики и общества в целом), с другой же – на общую логику исторического процесса и конкретные особенности: свои, своего положения и своих целей. В частности, настройка социокультурного механизма в подобной ситуации предполагает повышение внимания при осуществлении организационно-управленческих отношений к сформированным социокультурным традициям, развитию вокруг них и на их основе культурно-цивилизационных миров. Именно нравственные стержни через традиции, устои, обычаи создают, организуют и оберегают общество и его экономику. Причём если для большинства культурно-цивилизационных миров их базовые ценностно-смысловые комплексы уже сложились и испытываются на прочность сложными постсовременными процессами, то для Украины активно идёт их доформирование. В данной ситуации обеспечение толерантности, политкорректности, права человека на собственное мнение, свободу слова и т. п. выступает насущной задачей стабильного развития.

Вместе с тем, соответственно характеру парадигмальных трансформаций, ускорение развития и упрочение общественной безопасности требуют приоритетного обеспечения притока наукоёмких продукций, технологий, их создателей и разработчиков. Особое внимание общества под воздействием происходящих изменений при этом сосредотачивается на учёных и научных коллективах прорывного уровня, с деятельностью которых связываются возможности запуска «цепных реакций» для целого ряда направлений. Соответственно, становление отечественных научно-образовательно-производственных кластеров – ключевое организационное звено в обеспечении подъёма конкурентоспособности системы хозяйствования и благосостояния населения в условиях усиления роли экономики знаний, а их поддержка – важнейшее направление курса. В управленческой подсистеме социально-экономических отношений приоритетным становится значение отношений, связанных с комплексом постмодерной реализации таких принципов соборности, как социальное партнёрство и производственная демократия. Главным фактором успеха при реализации технологий прорывного уровня становятся гибкость, мобильность, восприимчивость, умение быстро адаптироваться к изменениям хозяйственной конъюнктуры.

Таким образом, залогом успеха в использовании открывающихся новыми парадигмальными трансформациями перспектив становятся управленческие композиции, представляющие собой комплексные инновационные решения по освоению на основе базовых ценностно-смысловых комплексов своего культурно-цивилизационного мира эффективных в данных конкретных условиях организационно-управленческих моделей, генерализующих вектор перемен, аккумулирующих научно-образовательно-производственный потенциал и более полно открывающих возможности информационного воздействия для осуществления гибкого управления им и общественными процессами в целом.

По нашему мнению, перспективы научных разведок в данном направлении могут быть приоритетно связаны с анализом диапазона сравнительных возможностей практик социального воздействия в сфере PR.

Литература

1. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – СПб. : Ювента, 1999. – 317 с.
2. Leeuwen T. van. The Representation of Social Actors / T. van Leeuwen // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. – N.Y. : Routledge, 1995. – P. 32–71.

3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо, 2007. – 864 с.
4. Цветков Э.А. Психонормика или программируемый человек / Э.А. Цветков. – СПб. : Лань, 2000. – 192 с.
5. Донченко Е.Л. Психология манипуляций: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Донченко. – СПб. : Речь, 203. – 304 с.
6. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – М. : Харвест, АСТ, 2000. – 320 с.
7. Ольшанский Д.В. Психология масс / Д.В. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2001. – 368 с.
8. Московичи С. Век толп / С. Московичи. – М. : Институт психологии РАН ; КСП+, 1998. – 480 с.
9. Шедяков В.Е. Социокультурный уровень информационного взаимодействия / В.Е. Шедяков // Актуальні проблеми філософії та соціології. – 2015. – № 6. – С. 168–172.
10. Семечкин Н.И. Психология социального влияния / Н.И. Семечкин. – СПб. : Речь, 2004. – 304 с.
11. Полань К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Полань. – СПб. : Алетейя, 2002. – 320 с.
12. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 3–30.
13. Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995. – 532 с.
14. Лефевр В.А. Этические системы / В.А. Лефевр // Алгебра совести. – М. : Когито-Центр, 2003. – С. 31–174.
15. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность / Ф.А. Хайек. – М. : Новсти, 1992. – 304 с.
16. Шедяков В.Е. Економічна свобода і духовно-ціннісна консолідація: завдання якісного соціального управління / В.Е. Шедяков [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/6434-ekonomichna-svoboda-duhovno-cnnsna-konsoldacya-zavdannya-yaksnogo-socialnogo-upravlnnya.html>.
17. Серебрякова Г.В. Процесс ценностного управления / Г.В. Серебрякова, И.В. Незамайкин. – М. : Lambert Academic Publishing, 2013. – 380 с.
18. Шедяков В.Е. Система світогосподарських зв'язків переживає стаєн, близький до інституціональної невизначеності / В.Е. Шедяков // Економіст. – 2015. – № 9. – С. 1–3. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/6476-socialne-rozsharuvannya-staye-rezultatom-ne-tilki-korupcyi-a-y-vdsutnost-dyevih-socialnih-lft.html>.
19. Шедяков В.Е. Стратегические трансформации методологий социального управления в осуществлении общественных интересов культурно-цивилизационного мира / В.Е. Шедяков // Гілея. – 2013. – № 76 (9). – С. 190–194.
20. Шедяков В.Е. Стратегічна культура проведення трансформаций: можливості та загрози / В.Е. Шедяков // Розвиток економіки України під впливом економічних, соціальних, технологічних та екологічних трендів / за ред. М.С. Пашкевич, Ж.К. Нестеренко ; М-во освіти і науки України, Запор. нац. техн. ун-т, Нац. гірн. ун-т. – Д. : НГУ, 2015. – С. 30–41.
21. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс, Прогресс-академия, 1992. – 464 с.
22. Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию исследования / М.М. Назаров. – М. : Аванти плюс, 2003. – 428 с.
23. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации / Д.П. Гавра. – СПб. : Питер, 2011. – 288 с.
24. Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия / В.М. Березин. – М. : РИП-холдинг, 2003. – 174 с.
25. Васильева Л.В. Роль и функции СМИ в современном обществе / Л.В. Васильев [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.amursu.ru/attachments/article/9533/N50_20.pdf.
26. Newman R. The evolution of Media Effects Theory: A Six-Stage Model of Cumulative Research / R. Newman, L. Guggenheim // Communication Theory. – 2011. – № 21. – P. 169–196.
27. Шедяков В.Е. Технології соціального управління в практиці постсучасності / В.Е. Шедяков // Соціальна психологія. – 2008. – № 6 (32). – С. 25–34.
28. Шедяков В.Е. Використання країною діапазону можливостей інформаційної сфери при глобальному переході до

постого технологічного укладу / В.С. Шедяков // Політологічний вісник. – 2010. – Вип. 50. – С. 128–138.

29. Шедяков В.Є. Можливості використання специфіки інформаційної взаємодії соціальних систем та безсистемних цілісностей / В.С. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2010. – № 1 (7). – С. 79–84.

30. Шедяков В.Є. Організація асиметричних впливів інформаційних систем / В.С. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2010. – № 2 (8). – С. 71–75.

31. Шедяков В.Є. Міфічно-символьні конструкції в здійсненні інформаційних впливів на основі ресурсної бази м'якої влади / В.С. Шедяков // Гілея. – 2013. – № 72 (5). – С. 781–787.

32. Шедяков В.Є. Ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационного мира в контексте стратегии подготовки и реализации ответов на вызовы времени / В.Е. Шедяков // ВУЗ. XXI век. – Ч. 1. – 2014. – № 2 (45). – С. 81–89; Ч. 2. – 2014. – № 3 (46). – С. 153–165.

33. Шедяков В.Є. Інформаційна взаємодія в контексті логіки процесів соціогенезу / В.С. Шедяков // Нова парадигма. – 2014. – № 123. – С. 50–67.

34. Дугин А.Г. Сетевую войну можно выиграть только сетевыми средствами / А.Г. Дугин // Сетевые войны. Новая (сетевая) теория войны. – 08.02.2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.med.org.ru/article/2893>.

35. Савин Л. Бесконтактные и сетевые войны / Л. Савин // Информационно-аналитический проект «Однако». – 18.04.2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.odnako.org/magazine/material/beskontaktnie-i-setevie-voyni>.

36. Воронюк Л.О. Проведення євроінтеграційних інформаційних кампаній в Україні / Л.О. Воронюк // Наукові праці: Науково-методичний журнал. Серія «Політологія». – 2011. – Вип. 163. – Т. 175. – С. 16–21.

Анотация

Шедяков В. Е. Возможности информационного воздействия при осуществлении гибкого управления. – Статья.

В статье исследуется диапазон возможностей информационной сферы как ресурсной базы повышения управляемости общественных процессов. Рассматривается специфика конкуренции ценностно-смысловых комплексов в сетевом/сетевом информационном пространстве. Анализируются

особенности роли массовых коммуникаций времени форсированных трансформаций соответственно усилению постмодерных тенденций культуры.

Делаются выводы о перспективах совершенствования регулятивных механизмов за счёт применения информационных средств реализации принципов гибкого управления в формах стимулирования желательных изменений.

Ключевые слова: информационное воздействие, ценностно-смысловые комплексы, коммуникации, гибкое управление, стимулирование.

Анотація

Шедяков В. Є. Можливості інформаційного впливу під час гнучкого управління. – Стаття.

У статті досліджується діапазон можливостей інформаційної сфери як ресурсної бази підвищення керованості суспільних процесів. Розглядається специфіка конкуренції ціннісно-смыслових комплексів у мережевому/мережецентричному інформаційному просторі. Аналізуються особливості ролі масових комунікацій часу форсованих трансформацій відповідно до посилення постмодерних тенденцій культури. Робляться висновки про перспективи вдосконалення регулятивних механізмів за рахунок застосування інформаційних засобів реалізації принципів гнучкого управління у формах стимулювання бажаних змін.

Ключові слова: інформаційний вплив, ціннісно-смыслові комплекси, комунікації, гнучке управління, стимулювання.

Summary

Shedyakov V. E. Information influence's possibilities in realizing of flexible management. – Article.

A diapason of information sphere's possibilities as a resource base to increase managementable of public processes is investigated. The specific of a competition of value-semantic complexes in the network / network-centric information sphere is examined. The specifics of the role of mass communication during forced transformations respectively postmodern cultural trends' strengthening are analysed. Conclusions on the perspectives of on the improvement of the regulatory mechanisms through the using of information means to realize of flexible management's principles in the forms of stimulation of desired changes are made.

Key words: information influence, value-semantic complex, communication, flexible management, stimulation.